

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

DOI 10.15407/sociology2021.03.187

УДК 323:316.37

АЛЕКСЕЙ ПОЛТОРАКОВ,

кандидат политических наук, старший научный сотрудник Национальной академии внутренних дел (03035, Киев, Соломенская площадь, 1)

OLEKSII POLTORAKOV,

Candidate of Political Sciences, Senior Research Fellow, National Academy of Internal Affairs (1, Solomiyanska Sq., Kyiv, 03035)

poltorakov@ukr.net

<https://orcid.org/0000-0003-2418-0969>

ИРИНА ЩИГОЛЬ,

кандидат социологических наук; специалист I категории лаборатории прикладных исследований кафедры методологии и методов социологических исследований факультета социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (01033, Киев, ул. Владимирская, 60)

IRYNA SHCHYNOL,

Candidate of Social Sciences, Specialist of I category at the Laboratory of Applied Research, Faculty of Sociology, Taras Shevchenko National University of Kyiv (60, Volodymyrska Str., Kyiv, 01033).

iryhashi@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0001-5503-2235>

Украинские советские агенты изменений: социально-исторический контекст трансформации капиталов

Обществоведческий дискурс легитимности: между правоведением, политологией и социологией

Одним из ключевых факторов институциональной стабильности и общественного развития практически любого современного (модерного) национального государства является формирование и функционирование соответствующего «поля власти» (П. Бурдьё) в его должном соотношении с другими общественными «полями». Государственная власть должна быть легитимной прежде всего в своих широких социально-правовых смыслах (см.: [Виттенберг,

Цитирование: Полтораков, А., Щиголь, И. (2021). Украинские советские агенты изменений: социально-исторический контекст трансформации капиталов. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 3, 187–202. <https://doi.org/10.15407/sociology2021.03.187>

2020]), в частности в коллективном/общественном сознании народа/нации и в ценностных принципах (см.: [Рябчук, 2018]) политико-правовой культуры.

Субъектами (основателями и носителями) и акторами (проводниками и трансформаторами) общественной «веры в легитимность» соответствующей государственной власти, наряду с властно-политическими институтами самого государства (включая «партию власти»), являются также профильные общественные группы негосударственного характера (обычно формальные/формализованные, но также и неформальные). Эти группы, соответственно, действуют в профильных именно для них социальных «полях» — и опираются в своей деятельности на собственных лидеров, т.е. персонализированных выразителей характерных для этих групп наборов ценностей, носителей надлежащего «символического капитала» (морального авторитета и общественного уважения), даже если он носит критический характер (ср.: [Гудков, 2011]).

Цель данной статьи — социологическая реконструкция [Лахман, 2016] трансформации символического капитала украинских диссидентов (см.: [Захаров, 2003]) в социальный в социально-правовой плоскости в УССР и в независимой Украине. Необходимо сразу отметить, что проблематика обратной конвертации — социально-административного капитала в финансово-экономический — весьма характерна именно для так называемой советской элиты (комсомольско-партийной номенклатуры [Восленский, 2005]) 1980–1990-х годов и требует отдельного изучения (см.: [Полтораков, 2012а; Полтораков, 2012б]).

Легитимность/легитимация советской власти: социально-политический контекст исследования

Легитимность режима советской власти относительно быстро приобрела «онтологический» характер (в терминах Ж.-Л. Кермона, согласно которому «легитимность заключается в соответствии политической власти тем ценностям, на которых основан режим» [Кермон, 1993: сс. 138–139]). И это предполагает соответствие принципов власти «объективному порядку вещей», как его толковала и навязывала большинству граждан сама власть. Таким образом, легитимность советской власти выводилась из-под контроля советского общества и превращалась в «трансцендентный» (недоступный рациональному познанию) феномен, который «не нуждается в признании со стороны общества и способен вообще без него обойтись» [Бляхер, 2006: с. 54]. Кроме того, как отмечал В. Заславский, особенностью ситуации с легитимностью советской власти было отсутствие напряженности в отношениях между классами в СССР [Zaslavsky, 1979].

Это, в свою очередь, способствовало тому, что сама советская власть постепенно и неуклонно превращалась в тотальную и абсолютную, а ее вожди (начиная прежде всего с В. Ленина (см.: [Шалаева, 2013; Эннкер, 2011]), а также, в определенном смысле, И. Сталина (см.: [Plamper, 2012; Pisch, 2016]) и Л. Брежнева) искусственно идеализировались и постепенно — в концептуально идеологизированном фокусе «культы личности» — чуть ли не сакрализировались. Обратной стороной этой проблемы была виктимизация и определенная демонизация не только принципиальных идеологических оппонентов советской власти или уничтожаемых партийно-политических конкурентов («оппозицио-

неров», таких как Л. Троцкий, и др.), но и недостаточно лояльных представителей общественных (культурных, научных и т. п.) элит.

Принципиальному идеологическому влиянию также подвергалась общая историко-политическая картина, национальная («макро)историческая память» как основание общественного сознания, а прежде всего — определение роли и места значимых государственно-исторических событий и лиц (в истории Украины это Переяславская Рада, такие персоналии, как И. Мазепа или С. Бандера, и др.), а также выгодных или по крайней мере удобных для власти толкований и интерпретаций идейно-философских взглядов культурно-исторических личностей (в истории Украины прежде всего Т. Шевченко и И. Франко).

Характерной внутренней особенностью процессов легитимации советской власти в СССР были также тенденции постепенной («ползучей») институционализации и формализации этого явления. Следствием данного процесса было то, что место первоначальных неконформистски настроенных агентов изменений («пламенных революционеров» и т. п.) в процессе «отрицательного отбора» (квинтэссенцией которого можно считать масштабные репрессии 1930-х гг.) постепенно занимали партфункционеры (см.: [Восленский, 2005]), которые отесняли и вытесняли «агентов изменений» на периферию общественной жизни.

Известный французский *социальный* мыслитель П. Бурдьё в произведении «Поле литературы» [Bourdieu, 1991] аргументировал, что соответствующее «поле литературы» всегда занимает подчиненную позицию по отношению к «полю власти», внутри которого оно пребывает. Показательно в этом смысле создание Союза писателей СССР на I Всесоюзном съезде советских писателей (1934). Властно-легитимационным лейтмотивом этого мероприятия представляются характерные слова из выступления секретаря ЦК КПСС Андрея Жданова: «Наша советская литература сильна тем, что служит новому делу — делу социалистического строительства», одно из составляющих которого было артикулировано в терминах «идейной переработки и воспитания трудящихся в духе социализма» [Жданов, 1934]. Создание и функционирование замыкающихся на советское государство и его власть институций, таких как Союз писателей, Союз художников и др., способствовало общему повышению степени институционализации системы политико-идеологического давления на советское общество именно в направлении поддержания должной степени легитимности власти. Это воплощалось прежде всего в принципиальной необходимости всеобщего декларативного проявления и требованиях периодического (в особых случаях — регулярного) демонстрирования хотя бы минимально необходимой меры лояльности (по крайней мере внешней), что дополнительно усугублялось замыкающимися на это процессами и механизмами многоуровневой идеологической индоктринации (через институции «пионерии», «комсомола» и т.п.). Еще более четким и ярким институциональным примером может послужить создание летом 1967 года 5-го Управления КГБ, отвечавшего именно «за борьбу с идеологическими диверсиями», к которым был отнесен также «национализм» (сфера ответственности 2-го отделения этого Управления) (см.: [Петров 2007]).

Одновременно с институционализацией инструментальных механизмов общественной легитимации советской власти происходила также их постепенная формализация. Так, антрополог О. Юрчак в книге «Это было навсегда, пока не закончилось» [Юрчак, 2014] отмечал, что в начале 1980-х годов около 90 процен-

тов выпускников средних школ были комсомольцами. Всего в 1982 году ВЛКСМ имел наибольшую за всю свою историю численность, которая составляла 42 млн членов, а его украинский сегмент (ЛКСМУ) своей наибольшей численности достиг в 1986 году, охватывая 6742 тыс. членов (см.: [ЛКСМУ, 1987: с. 13]).

Агенты изменений по-украински: концептуальная рамка социологического исследования

В контексте общественно-политических и замыкающихся на них социально-правовых трансформаций, подобных тем, что привели к принципиальной делегитимации советской власти и прекращению существования СССР, — именно как соответствующего «советского государства», — принципиально значимыми коллективными акторами, чья деятельность имела, в частности, достаточно весомое социально-правовое содержание, были соответствующие «агенты изменений». Последние в широком общественном мнении — и ориентированной на него научно-аналитической мысли — традиционно ассоциируются прежде всего с диссидентским движением (ср.: [Богораз, 1993; Кара-Мурза, 2002]). Это движение, будучи достаточно широким по охвату и пестрым по форме, прежде всего представляло собой принципиальную альтернативу (как организационно, прежде всего в смысле централизации/децентрализации, так и ценностно) доминирующей партийно-идеологической структуре, жестко государствоцентричной и ориентированной прежде всего именно на легитимацию советской власти. (Считается, что соответствующий термин — «диссидент» — для обозначения инакомыслящих в СССР ввел в научно-аналитический оборот американский советолог П. Реддудей; см.: [Reddaway, 2020]).

Концептуально коррелирующееся с явлением диссидентства, понятие «агенты изменений» относительно давно и достаточно прочно вошло в обществоведческий научный дискурс с подачи П. Бурдьё [Bourdieu, 1979]. Его идею восприняли и развивали другие западные обществоведы, в частности П. Штомпка [Штомпка, 1996] и Д. Вильямс [Вільямс, 2021]. В Украине проблематику «агентов изменений» активно исследуют такие социологи, как Е. Злобина [Злобіна, 2004; Злобіна, 2020], А. Петренко-Лысак [Петренко-Лисак, 2020], Л. Бевзенко [Бевзенко, 2018а; Бевзенко 2018b], С. Солодько [Солодько, 2020] и др. Однако концепт «агенты изменений» как аналитический конструкт для сугубо историко-обществоведческих исследований явлений «диссидентства» и т.п., в частности украинского «буржуазного национализма», особенно в его общественно-правовом аспектах, до сих пор почти не использовался. Вместе с тем уже предпринимались попытки рассматривать диссидентское движение как одну из форм накопления «символического (морального) капитала» [Verdery, 1996].

В условиях стабильного социума публичная артикуляция общественного запроса на агентов изменений относительно невелика [Бевзенко, 2018а; Бевзенко, 2018b], поскольку определенное понимание необходимости общественных изменений (ценностного характера) ощущается скорее на микросоциальном, социально-психологическом и сугубо индивидуальном уровнях. (Как давно отмечал Ю. Хабермас, легитимационный кризис можно предвидеть тогда, когда систематически обнаруживаются ожидания, которые не могут быть удовлетворены при помощи уже существующих ценностей [Хабермас, 1976].) Темати-

чески (проблемно) артикулированный и ценностно (морально) обоснованный запрос на общественные изменения выводит личность на новый уровень — «агент изменений» пытается изменить систему не столько институционально, сколько ценностно, — сделать менее плотной «социальную ткань» (в терминах Л. Бевзенко) и «открыть глаза» окружающим на то, что происходит рядом с ними и может ожидать их самих или их родных и близких.

«Трансформацию капиталов», как и «габитус» [Bourdieu, 1979], обычно изучают в русле повседневных практик общества как «внутренних» составляющих сугубо социальной биографии человека (преимущественно рядового, или среднестатистического), где «внешняя» общественно-политическая составляющая проблематики обычно остается за пределами фокуса соответствующего предметного внимания исследователя. Кроме того, на периферии научных исследований — социологических, с одной стороны, и политологических — с другой, — до сих пор остаются такие специфические социальные группы и/или движения, как «диссиденты» (Л. Лукьяненко, В. Чорновил и др.) и/или «шестидесятники» (В. Симоненко, А. Горская и др.) (см.: [Секо, 2010]). Отсюда проистекает чисто социологическая проблема изучения украинского диссидентства не столько в его общеисторическом смысле, сколько в качестве (про)активного сегмента украинского общества, в профильной деятельности которого видное место занимали те или иные социально-правовые аспекты всеобщих нравственно-ценностных проблем общественных реалий тех времен, очень непростых в своих социально-политических обстоятельствах и крайне неоднозначных в своих политико-правовых аспектах, — выяснение того, что оказывало влияние как на тогдашнее общество, так и на нынешнее.

Для определенных — более или менее «сознательных» сегментов — тогдашнего советского общества, диссиденты были по меньшей мере объектом внимания (особенно на фоне серой действительности так называемой «эпохи застоя» [Юрчак, 2014]) и предметом уважения (в отличие от представителей партноменклатуры или торгашей/спекулянтов и т. п.) [Rogacheva, 2020], а также определенной «референтной группой» в смысле нравственно-этического авторитета и предлагаемого/пропагандируемого ими ценностного вызова «жить не по лжи» (А. Солженицын). Так, украинского диссидента И. Светличного в лагерях Пермской области называли «лагерной совестью» [Світлична, 1998].

Характерно, что многие диссиденты (по крайней мере, украинские) выступали и публиковались достаточно открыто, в частности используя не столько псевдонимы/криптонимы, сколько собственные имена [Мельникова, 2014], — и это четко работало как на расширение их общей известности и определенной популярности, так и на личное моральное превосходство над принципиально анонимной карательно-репрессивной машиной советского государства (прежде всего КГБ). Так, российские исследователи-обществоведы Л. Гудков и А. Левинсон, анализируя с социологической точки зрения образ академика-диссидента А. Сахарова в общественном мнении [Белодед, 1991], четко аргументировали, что «злостная травля, шельмование академика и клевета на него резко выделяли его имя в ряду всех прочих, придавая ему особый статус и значимость» [Гудков, 2011].

На основании указанных выше обществоведческих теорий и социологических исследований можно предварительно аналитически отслеживать, в частности, то, как заработанный/накопленный советскими диссидентами «символиче-

ский капитал» стал значимой общественной предпосылкой социально-правовых трансформаций — на пути от УССР как советской республики к современной независимой Украине.

Под социально-политическими «агентами изменений», как уже опосредованно определялось выше, следует понимать прежде всего тот украинский сегмент общесоветского диссидентства, который получил идеологически окрашенное название «украинский (буржуазный) национализм» (см.: [Бурдин, 1955; Шульженко, 1963]). Его олицетворением являются как отдельные личности типа Л. Лукьяненко или В. Чорновила, так и соответствующие социальные группы/объединения (см.: [Касьянов, 1995] и др.) вроде «Украинской Хельсинской группы» [Мисечко, 2013] или даже целые движения («шестидесятники»), — чья деятельность, индивидуальная и коллективная, была тем опосредованно политизированным фактором, который вывел украинцев на площади и улицы городов во второй половине 1980-х и в начале 1990-х в поддержку идеи независимости Украины.

Агенты изменений: ценностное измерение украинского диссидентства

Если взять за точку отсчета период украинской истории 1950-х годов, то можно говорить, что во времена «хрущевской оттепели» в Украине борьба за независимость перешла с военно-криминальной (в начале 1950-х было официально объявлено об успешном завершении кампании по «борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине» [Сохань, 2001] в социально-правовую и художественно-культурную плоскости [Абраменко, 2010]. Наряду с движением «шестидесятников» и созданием «Хельсинской группы», это также период расцвета украинского кинематографа и т.п. Социокультурные аспекты резонансно артикулировал известный советский диссидент Андрей Синявский (который также использовал псевдоним Абрам Терц): «И поскольку политика и социальный строй общества — это не моя специальность, то можно сказать в виде шутки, что у меня с советской властью вышли в основном эстетические расхождения» (цит. по: [Полтораков, 2020: с. 15]).

Несмотря на то, что с приходом к власти Л. Брежнева и началом «периода застоя» борьба с диссидентами велась в масштабах всего СССР (так, в 1989 году сами представители советской власти публично признали использование в СССР психиатрии в немедицинских целях [Сафронова, 1992: с. 47; Блох, 1977]), в Украине и многих других советских республиках (за определенным исключением РСФСР) ее проводили особенно жестко: от запретов на профессиональную деятельность (таким деятелям, как И. Светличный, И. Герета, И. Дзюба, Л. Тянюк, М. Брайчевский и др.) до тюремного заключения и ссылки, а в отдельных случаях и жестокого избиения или даже убийства (так поступили с В. Симоненко, А. Горской, В. Ивасюком и др.). Кроме того, в УССР представители интеллигенции еще в конце 1950-х годов стали задумываться над тем, что провозглашенные независимость и суверенность союзных республик декларативны, а на самом деле под видом «братского союза советских республик» существует образование имперского характера с административным центром в Москве и советскими республиками в качестве колоний. Несмотря на разное социальное происхождение (от крестьянства до интеллигенции), украинское диссидентство в

процессе своего становления вырабатывало свой общий «габитус» (социальные практики), сближаясь друг с другом. Об этом писал в воспоминаниях Е. Сверстюк: «... в начале шестидесятых стало создаваться силовое поле притяжения» (цит. по: [Тарнашинська, 2019]). В этом поле формировалось ядро будущей национальной украинской элиты, относительно целостного носителя морального авторитета и коллективного объекта общественного уважения.

Одной из точек отсчета перехода от физической борьбы (в форме вооруженного противостояния) к борьбе «моральной» (в формах прежде всего гуманитарно-правозащитной и национально-культурной деятельности) за независимость Украины можно считать создание в Украине групп, которые по меньшей мере теоретически рассматривали легальные (конституционно-правовые) основания для выхода Украины из СССР. Самым первым и наиболее известным среди них был «Украинский рабоче-крестьянский союз» (УРКС) (см.: [Грачевська, 2003; Ведмідь, 2004]) во главе с Л. Лукьяненко. Несмотря на очень короткое время своего существования (1959 — январь 1961 года), УРКС стала образцом для других правовых и национальных организаций в Украине. После разоблачения этой группы в результате доноса в КГБ и закрытого судебного процесса в следственной тюрьме КГБ г. Львова (т. н. «Дело юристов») ее участников приговаривали к длительным срокам заключения (от 10 до 15 лет, отбываемые в лагерях Мордовии), а главный идейный основатель УРКС Л. Лукьяненко — 21 мая 1961 года был приговорен к смертной казни (см.: [Лук'яненко, 2011]), которую, впрочем, через 72 дней — после рассмотрения кассационной жалобы — Верховный Суд СССР заменил на 15 лет лишения свободы.

Хрущевская оттепель, на которую возлагали определенные надежды патристически/националистически настроенные украинцы, оказалась в Украине не только (а может и не столько) имитацией «игры в демократию». («У многих из нас сразу после XX съезда было много наивного, розовощекого оптимизма, телячьего энтузиазма, много было иллюзий, построенных на песке...», — как уже в декабре 1963 года рефлексировал Е. Сверстюк на вечере памяти В. Симоненко в Киевском мединституте.) Социокультурные процессы, связанные с оттепелью 1960-х годов, по крайней мере опосредованно становились также средством для выявления недовольных и применения к ним рычагов влияния со стороны поля власти с попыткой подавить любое сопротивление ползучей русификации и денационализации Украины. Если российские «шестидесятники» могли хотя бы в легкой форме критиковать советскую власть, получая за это минимальное наказание или даже поощрение для выявления других недовольных [Гулько, 2010], то проявление недовольства в Украине было почти равносильно «социальной смерти», потому как негативные последствия варьировали от создания серьезных проблем на работе (вплоть до увольнения и дальнейшего «волчьего билета» относительно соответствующих должностей или профессиональных занятий) до прямых уголовных преследований. В то же время внутренняя — базирующаяся именно на ценностях и убеждениях и к тому же подкрепляемая аргументированной апелляцией к декларируемым СССР/УРСР конституционно-правовым нормам — готовность украинского диссидентства к такой жертвенности была значимым фактором его морального авторитета и уважения к ним, по крайней мере в глазах «молчаливого большинства» из числа тех, кто им сочувствовал и поддерживал их.

Следует также учитывать, что 1960-е годы — это время, когда еще в «живой (коллективной) памяти» украинцев были воспоминания и о голодоморах, и о зверствах времен Второй мировой войны (в частности со стороны Красной (советской) армии), а также эхо «борьбы с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине» [Кокурин, 2008]. Поэтому определенная либерализация советского режима в центре/метрополии (в Москве и европейской части РСФСР) имела крайне ограниченный характер применительно к такой достаточно проблемной периферии/колонии, как СССР (проблематику культурно-политического развития которой воспринимали и толковали прежде всего с точки зрения пресловутого «украинского буржуазного национализма», под который достаточно легко было подвести почти любую «крамолу», которая так или иначе ставила под сомнение легитимность советской власти), даже если она совершенно не касалась колониально проблемного «национального вопроса». (В этом контексте принципиально важно вспомнить также сегодняшнюю максиму, согласно которой современный «российский либерализм заканчивается на украинском вопросе», в частности относительно сегодняшнего статуса полуострова Крым.) Поэтому тех украинцев-«шестидесятников», которые пытались поднимать общие вопросы соблюдения прав и свобод человека в СССР и своего коллективного права на национально-культурное развитие и самореализацию, особо жестко преследовали, в частности устраивая как закрытые, так и открытые судебные процессы.

Так, в 1965 году состоялся открытый судебный процесс во Львове, знаменовавший собой начало первой волны достаточно масштабных арестов и преследований украинских диссидентов (от самого Львова до Одессы и Феодосии), главной целью которого было запугивание непокорных, остававшихся на свободе. Но этот и прочие судебные процессы привели к иным результатам, нежели те, на которые надеялись организаторы: диссидентское движение (оппозиция) и этнонационально («националистически») ориентированные протесты только усилились. Примечательно, что этот «Львовский процесс» стал одним из поворотных моментов в становлении молодого журналиста Вячеслава Черновила как будущего предводителя диссидентского движения в Украине и одного из авторов современной Конституции Украины.

Даже после высылки из Украины наиболее влиятельных диссидентов в колонию и спецпоселения украинское диссидентское движение не прекратилось и, более того, расширилось, находя официальные причины для создания относительно легальных (!) групп, ориентированных на проблематику соблюдения прав и свобод человека (таких, как Украинская Хельсинская группа).

В то время как в РСФСР диссидентство определенным образом угасало (см.: [Богораз, 1993: с. 145]), уходя из фокуса общественного внимания, то в СССР оно выходило на новый социальный уровень, становилось уже «социальным фактом» (Э. Дюркгейм), наращивало свой «символический капитал» (П. Бурдье), становясь коллективным моральным авторитетом для украинцев. Так, уже в 1963 году внешне официальная конференция по проблемам украинской культуры и языка в Киевском университете, собрав более тысячи участников, превратилась в открытую демонстрацию против русификации.

В ответ на каждый арест возникало несколько новых диссидентов, явление диссидентства охватывало все регионы Украины. Советская власть намерива-

лась повторить свой успех 1930-х годов по русификации: украинское правописание старались все больше сблизить с русским (примечательна редакция украинского правописания 1959 года — в тесной связи с изменениями в русском правописании 1954 года), украинский язык сознательно позиционировали как отсталый, «селянский», а украинские школы понемногу закрывали. Обучение в высших учебных заведениях вели преимущественно на русском языке. Такое гуманитарно-политическое обесценивание украинского как такового имело целью разрушение украинского «национального кода», превращение рядовых граждан в «советских людей» — «манкуртов» — на почве утверждения верховенства русскости (во всех ее проявлениях) в УССР.

В начале массовой борьбы с украинскими диссидентами их осуждали по политическим статьям — прежде всего по пресловутой ст. 62 Уголовного кодекса УССР «Антисоветская агитация и пропаганда» (вступившей в силу еще 1 января 1961 года), — пытаясь социально-политически дискредитировать диссидентов в глазах украинского общества как предателей ценностей и идеалов «советской родины». Когда эти попытки оказались малоэффективными, советская власть обратилась к дискредитации диссидентов в социально-правовой плоскости в глазах населения — обвинения их по уголовным статьям, включая разбой и изнасилование (которые традиционно в украинской культуре были одними из самых тяжких общественных преступлений). Так, в 1977 году Олексу Тихого обвинили в «антисоветской агитации и пропаганде» (ст. 62 ч. 2 УК УССР) и, поскольку ему была подброшена винтовка, еще и в «незаконном хранении оружия» (ст. 222 ч. 1 УК УССР). И снова здесь возник обратный эффект — осужденные по уголовным статьям диссиденты не обесценивались в глазах общества, а наоборот, приобретали еще больший авторитет, укрепляя свой «символический капитал».

Избиение милиционерами В. Симоненко, гибель В. Стуса и В. Марченко в камерах лагерей, смерть при невыясненных обстоятельствах В. Ивасюка, загадочное убийство А. Горской, а особенно отчисление студентов за украинские национально осознанные («националистические») позиции — эти и прочие подобные общественно значимые события наращивали символический капитал украинского диссидентства, который, к концу 1980-х годов трансформировался сначала в капитал социально-политический, а потом — и в политико-правовой. На призывы «агентов изменений» — В. Чорновила, Л. Лукьяненко и других моральных авторитетов — люди все чаще и активнее выходили по всей Украине на массовые публичные мероприятия, чтобы отстаивать право на независимость и национальное самоопределение. Именно под таким общественным давлением в октябре 1989 года Верховная Рада УССР приняла закон «О языках в Украинской ССР».

После обретения независимости Украины в 1991 году такие деятели, как В. Чорновил, Л. Лукьяненко, Р. Иваничук, стали депутатами Верховной Рады Украины, а также создателями постсоветского законодательства, прежде всего — современной Конституции Украины (1996), по которой мы живем и сейчас.

Выводы

Значимой особенностью именно украинского измерения диссидентского движения, рассматриваемого в соответствующем социально-правовом поле в категориях агентов изменений, является то, что оно начиналось с рассмотрения об-

щей проблематики легитимности советской власти, в первую очередь, в фокусе поиска легитимных (законных, конституционно-правовых) оснований и необходимых конституционно-процессуальных путей (механизмов) выхода Украины из СССР и обретения независимости. Еще одним ключевым социально-правовым измерением деятельности украинских диссидентов стала правозащитная проблематика, в частности в формате «Украинской Хельсинской группы» (с ноября 1976 года) в поддержку Хельсинского итогового акта (1975 года) как принципиально значимого международного гуманитарно-правового документа.

В процессе становления и развития (в течение 1960–1970-х годов) диссидентское движение само стало фактором делегитимизации советской власти, прежде всего из-за нарушения ею декларируемых норм Конституции и принципиальных социальных прав и политических свобод.

В свою очередь, моральный авторитет и базирующийся на этом «социально-правовой капитал» существенно поспособствовали тому, то в процессах обретения современной Украиной независимости (конец 1980-х — начало 1990-х годов) бывшие диссиденты оказались тем общественно-политическим «ядром», которое стало инициатором и разработчиком таких принципиально значимых политико-правовых документов, как Декларация о государственном суверенитете Украины (16 июля 1990 года) и Акт провозглашения независимости Украины (24 августа 1991 года), а также Конституции и законов Украины. И современное общественное уважение и доверие к этим документам обусловлено, в частности, тем, что их идейными вдохновителями и непосредственными авторами были именно моральные авторитеты, выступившие главными агентами изменений политико-правового поля Украины в направлении его демократизации.

Источники

Абраменко, Л. (2010). Висновки цензора щодо історичних творів як доказ причетності до «українського буржуазного націоналізму» на початку 1950-х рр. *З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ*, 2 (35), 429–436.

Бевзенко, Л. (2018а). Інтегративна концепція соціальної напруженості — методологія, концептуальна схема, прагматика (ч. 1). *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 3, 47–73.

Бевзенко, Л. (2018б). Інтегративна концепція соціальної напруженості — методологія, концептуальна схема, прагматика (ч. 2). *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 4, 73–104.

Белодед, А. (ред.) (1991). *Человек и легенда. Образ А.Д. Сахарова в общественном мнении*. S.I.

Блох, С., Реддауэй, П. (1977). *Диагноз: инакомыслие: Как советские психиатры лечат от политического инакомыслия*. London: V. Gollancz.

Бляхер, Л., Огурцова, Т. (2006). Приключения легитимности власти в России, или Воссоздание презумпции виновности. *Полис*, 3, 53–67.

Богораз, Л., Даниэль, А. (1993). В поисках несуществующей науки. Диссидентство как историческая проблема. *Проблемы восточной Европы*, 37–38, 144–145.

Бурдин, Л., Хамазюк, И., Прудько, В., Кулешов, И. (сост.) (1955). *Подрывная деятельность украинских буржуазных националистов против СССР и борьба с нею органов государственной безопасности (учебный материал)*. Москва: Высшая школа КГБ при СМ СССР.

Ведмідь, Л. (2004). Програми положення Української робітничо-селянської спілки: історичний аналіз. *Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М. Драгоманова. Серія 6: Історичні науки: Збірник. До 170-річного ювілею*, 1, 71–77.

Виттенберг, Е. (2020). *Социальная ответственность власти*. Москва: РГГУ.

Восленский, М. (2005). *Номенклатура*. Москва: Захаров.

- Вільямс, Д. (2021). *Лідер як агент змін у роздробленому світі*. Отримано з: <https://uculeadership.com.ua/knowledgebase/lider-yak-agent-zmin-u-rozdrobrenomu-sviti-din-vilyams-harvard-kennedy-school>
- Грачевська, Т. (2003). «На нашому боці правда...»: Програма УРСС — перша декларація українського опозиційного руху доби «відлиги». *Бористен*, 1 (139), 16–18.
- Гудков, Л., Левинсон, А. (2011). Образ Сахарова в общественном мнении: 20 лет спустя. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 1 (107), 87–101.
- Гулько, Б., Корчной, В., Попов, В., Фельштинский, Ю. (2010). *КГБ играет в шахматы*. Москва: Книговек.
- Жданов, А. (1934). Советская литература — самая идейная, самая передовая литература в мире. *Правда*, август 20.
- Захаров, Б. (2003). *Нарис історії дисидентського руху в Україні (1956–1987)*. Харків: Фоліо.
- Злобіна, О. (2004). *Особистість як суб'єкт соціальних змін*. Київ: ІС НАНУ.
- Злобіна, О. (2020). Суб'єктність та агентність у соціальних змінах. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 2, 133–135.
- Кара-Мурза, С. (2002). *Евреи, Диссиденты, Еврокоммунисты*. Москва.
- Касьянов, Г. (1995). *Незгодні: українська інтелігенція в русі опору 1960-80-х рр*. Київ: Либідь.
- Кермонн, Ж.-Л., Шабо, Ж.-Л. (1993). Легитимность. *Полис*, 5, 136–142.
- Кокурин, А., Владимирцев, И. (сост.) (2008). *НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): сборник документов*. Москва.
- Лахман, Р. (2016). *Что такое историческая социология?* Москва: Дело.
- ЛКСМ Украины в цифрах и фактах. Довідник* (1987). Київ: Молодь.
- Лук'яненко, Л. (2011). *Сповідь у камері смертника*. Київ.
- Мельникова, Е. (2014). Культурная коммуникация диссидентов в Советской Украине. *Культура и образование*, 2.
- Мисечко, А., Захарія, С. (2013). Українська Гельсінська спілка — засіб боротьби за права людини в Україні. *Історичний архів. Наукові студії: ЧДУ ім. Петра Могили*, 10, 67–69.
- Петренко-Лисак, А. (2020). Мобільні агенти «епохи плинних змін». *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 2, 135–138.
- Петров, Н. (2007). Специальные структуры КГБ по борьбе с инакомыслием в СССР. 1954–1989 г. В: *Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб* (т. 3, сс. 306–317). Москва.
- Полтораков, А. (2012а). Морфология украинской власти: поколенческая динамика. *PolitBook*, 44–58.
- Полтораков, А. (2012b). Поколение власти: политико-исторические трансформации на примере независимой Украины. *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*, 1.
- Полтораков, О. (2020). Соціальне насильство: варіативи соціологічної типологізації. *Габітус*, 11, 13–17.
- Рябчук, М. (2018). «Європейці» мимоволі? Про ціннісний вимір української національної ідентичності. *Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень імені І.Ф. Кураса НАН України*, 3–4, 93–123.
- Сафронова, Н. (1992). Психиатрия и гражданское общество: беседа с Питером Рэддзуем. *Независимый психиатрический журнал*, 1–2, 46–49.
- Світлична, Н., Світлична, Л. (упоряд.) (1998). *Доброокий. Спогади про Івана Світличного*. Київ: Час.
- Секо, Я. (2010). Історичний дискурс українських шістдесятників. *Україна — Європа — Світ. Міжнародний збірник наукових праць. Серія: Історія, міжнародні відносини*, 5 (1), 126–133.
- Солодько, С. (2020). Журналісти як агенти змін: «про» і «contra». *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 2, 151–153.
- Сохань, П., Потічний, П., Боряк, С., Дашкевич, Я., Лозицький, В., Пиріг, Р., Пшенніков, О., Ріпецький, М., Шаповал, Ю. (2001) Літопис УПА: Боротьба проти УПА і націоналістичного підпілля: директивні документи ЦК Компартії України 1943–1959. Документи і матеріали. НАН України. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського;

Видавництво «Літопис УПА»; Державний комітет архівів України; ЦДАГО України. Київ–Торонто. Нова серія. Том 3.

Тарнашинська, Л. (2019). «Пекучий моральний максималізм». *Дзеркало тижня* (вересень 15).

Хабермас, Ю. (2010). *Проблема легітимації позднього капіталізму*. Москва.

Шалаева, Н. (2013). Проблема культя личности В. И. Ленина (историографический анализ). *Власть*, 5. 104–108.

Штомпка, П. (1996). *Социология социальных изменений*. Москва: Аспект Пресс.

Шульженко, Б., Хамазюк, И., Данько, В. (1963). *Украинские буржуазные националисты*. Москва: КГБ.

Эннкер, Б. (2011). *Формирование культа Ленина в Советском Союзе*. Москва: РОССПЭН. [История сталинизма].

Юрчак, А. (2014). *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. Москва: НЛЮ [Неприкосновенный запас. Библиотека журнала].

Bourdieu, P. (1979). *Le Sens pratique*. Paris: Minuit.

Easton, D. (1965). *A Systems Analysis of Political Life*. New York, London, Sydney.

Pisch, A. (2016). *The personality cult of Stalin in Soviet posters, 1929–1953*. S.I.: ANU Press.

Plamper, J. (2012). *The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power*. S.I.: Yale University Press. [Yale-Hoover Series on Authoritarian Regimes]

Reddaway, P. (2020). *The Dissidents*. S.I.: Brookings Institution Press.

Rogacheva, M. (2020). *Soviet Scientists Remember: Oral Histories of the Cold War Generation*. S.I.: Lexington Books.

Verdery, K. (1996). *What Was Socialism, and What Comes Next?* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Zaslavsky, V. (1979). The Problem of Legitimizing in Soviet Society. In: *Conflict and Control. Challenge to Legitimacy of Modern Governments* (pp. 159–203). London.

Получено 11.07.2021

References

Abramenko, L. (2010). The censor's findings on historical works as evidence of involvement in «Ukrainian bourgeois nationalism» in the early 1950s. [In Ukrainian]. *From the archives of VUCHK-GPU-NKVD-KGB*, 2 (35), 429–436. [=Абраменко 2010]

Bevzenko, L. (2018a). Integrative concept of social tension — methodology, conceptual scheme, pragmatics. [In Ukrainian]. *Sociology: theory, methods, marketing*, 3, 47–73. [=Бевзенко 2018a]

Bevzenko, L. (2018b). Integrative concept of social tension — methodology, conceptual scheme, pragmatics. [In Ukrainian]. *Sociology: theory, methods, marketing*, 4, 73–104. [=Бевзенко 2018b]

Bieloded, A. (Ed.) (1991). *Man and legend. The image of A.D. Sakharov in public opinion*. [In Russian]. S.I. [=Белодед 1991]

Bliakher, L., Ogurtsova, T. (2006). Adventures of the legitimacy of power in Russia, or The restoration of the presumption of guilt. [In Russian]. *Polis*, 3, 53–67. [=Бляхер 2006]

Blokh, S., Reddaway, P. (1977). *Diagnosis: Dissent: How Soviet Psychiatrists Treat Political Dissent*. [In Russian]. London: V. Gollancz. [=Блох 1977]

Bogoraz, L., Daniel, A. (1993). In search of non-existent science. Dissidence as a Historical Problem. [In Russian]. *Problems of Eastern Europe*, 37–38, 144–145. [=Борораз 1993]

Bourdieu, P. (1979). *Le Sens pratique*. Paris: Minuit.

Burdin, L., Khamaziuk, I., Prud'ko, V., Kuleshov, I. (Eds.) (1955). *Subversive activities of Ukrainian bourgeois nationalists against the USSR and the fight against it by state security agencies (manual)*. [In Russian]. Moscow: Higher School of the KGB under the Council of Ministers of the USSR. [=Бурдин 1955]

Easton, D. (1965). *A Systems Analysis of Political Life*. New York, London, Sydney.

Ennker, B. (2011). *Formation of the cult of Lenin in the Soviet Union*. [In Russian]. Moscow: ROSSPEN. [History of Stalinism]. [=Эннкер 2011]

- Gudkov, L., Levinson, A. (2011). The public image of Sakharov: 20 years later. [In Russian]. *Public Opinion Bulletin. Data. Analysis. Discussions*, 1 (107), 87–101. [=Гудков 2011]
- Gulko, B., Korchnoi, V., Popov, V., Felshtinskii, Yu. (2010). *The KGB plays chess*. [In Russian]. Moscow: Knigoviek. [=Гулько 2010]
- Habermas, J. (2010). *The problem of legitimizing late capitalism*. [In Russian]. Moscow. [=Хабермас 2010]
- Hrachevs'ka, T. (2003). «The truth is on our side...»: The USSR program is the first declaration of the Ukrainian opposition movement of the «thaw» era. [In Ukrainian]. *Borysten*, 1 (139), 16–18. [=Грачевська 2003]
- Kara-Murza, S. (2002). *Jews, Dissidents, Eurocommunists*. [In Russian]. Moscow. [=Капа-Мурза 2002]
- Kasianov, H. (1995). *Disagree: Ukrainian intelligentsia in the resistance movement of the 1960-80's*. [In Ukrainian]. Kyiv: Lybid'. [=Касьянов 1995]
- Kokurin, A., Vladimirtsev, I. (Eds.) (2008). *People's Commissariat of Internal Affairs – Ministry of Internal Affairs of the USSR in the fight against banditry and the armed nationalist underground in Western Ukraine, Western Belarus and the Baltic States (1939–1956): a collection of documents*. [In Russian]. Moscow. [=Кокурин 2008]
- Lakhman, R. (2016). *What is Historical Sociology?* [In Russian]. Moscow: Dielo. [=Лахман 2016]
- Leninist Communist Youth Union of the Ukraine in figures and facts. Handbook* (1987). [In Russian]. Kyiv: Molod'. [=ЛКСМ Украины 1987]
- Lukianenko, L. (2011). *Confession in a death cell*. [In Ukrainian]. Kyiv. [=Лук'яненко 2011]
- Meľ'nikova, Ye. (2014). Cultural communication of dissidents in the Soviet Ukraine. [In Russian]. *Culture and Education*, 2. [=Мельникова 2014]
- Mysechko, A., Zakharia, S. (2013). The Ukrainian Helsinki Union is a means of fighting for human rights in Ukraine. [In Ukrainian]. *Historical archive. Scientific studies: Petro Mohyla BSCU*, 10, 67–69. [=Мисечко 2013]
- Petrenko-Lysak, A. (2020). Mobile agents of the «era of ongoing change». [In Ukrainian]. *Sociology: theory, methods, marketing*, 2, 135–138. [=Петренко-Лисак 2020]
- Petrov, N. (2007). Special structures of the KGB to combat dissent in the USSR. 1954–1989. [In Russian]. *Articles of the Society for the Study of the History of Russian Special Services* (vol. 3, pp. 306–317). Moscow. [=Петров 2007]
- Pisch, A. (2016). *The personality cult of Stalin in Soviet posters, 1929–1953*. S.I.: ANU Press.
- Plamper, J. (2012). *The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power*. S.I.: Yale University Press. [Yale-Hoover Series on Authoritarian Regimes]
- Poltorakov, A. (2012a). Morphology of Ukrainian government: generational dynamics. [In Russian]. *PolitBook*, 44–58. [=Полтораков 2012a]
- Poltorakov, A. (2012b). Generation of power: political and historical transformations on the example of independent Ukraine. [In Russian]. *Forum of Contemporary Eastern European History and Culture*, 1. [=Полтораков 2012b]
- Poltorakov, O. (2020). Social violence: options for sociological typology. [In Ukrainian]. *Habitus*, 11, 13–17. [=Полтораков 2020]
- Quermonne, J.-L., Chabot, J.-L. (1993). Legitimacy. [In Russian]. *Polis*, 5, 136–142. [=Кермоннь 1993]
- Reddaway, P. (2020). *The Dissidents*. S.I.: Brookings Institution Press.
- Riabchuk, M. (2018). «Europeans» involuntarily? On the value dimension of Ukrainian national identity. [In Ukrainian]. *Scientific notes of the IF Kuras Institute for Political and Ethnonational Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine*, 3–4, 93–123. [=Рябчук 2018]
- Rogacheva, M. (2020). *Soviet Scientists Remember: Oral Histories of the Cold War Generation*. S.I.: Lexington Books.
- Safronova, N. (1992). Psychiatry and Civil Society: A Conversation with Peter Raddway. [In Russian]. *Independent Psychiatric Journal*, 1–2, 46–49. [=Сафронова 1992]
- Seko, Ya. (2010). Historical discourse of the Ukrainian sixties (dissidents). [In Ukrainian]. *Ukraine — Europe — World. International collection of scientific works. Series: History, international relations*, 5 (1), 126–133. [=Секо 2010]

- Shalaeva, N. (2013). The problem of the personality cult of V.I. Lenin (historiographic analysis). [In Russian]. *The Power*. 5, 104–108. [=Шалаева 2013]
- Shulzhenko, B., Khamaziuk, I., Dan'ko, V. (1963). *Ukrainian bourgeois nationalists*. [In Russian]. Moscow: KGB. [=Шульженко 1963]
- Solod'ko, S. (2020). Journalists as agents of changes: «pro» and «contra». [In Ukrainian]. *Sociology: theory, methods, marketing*, 2, 151–153. [=Солодзько 2020]
- Sokhan, P., Potichny, P., Boriak, S., Dashkevych, Y., Lozysky, V., Pyrih, R., Pshennikov, O., Ripetsky, M., Shapoval, Y. (2001). Chronicle of the Ukrainian Insurgent Army. The struggle against the UPA and the nationalist underground: directive documents of the Central Committee of the Communist Party of Ukraine. [In Ukrainian]. NAS of Ukraine; M. Hrushevskyi Institute of Ukrainian Archaeography and Source Studies; Vydavnytstvo 'Litopys UPA, State Committee of Archives of Ukraine; TsDAGO of Ukraine.. Kyiv; Toronto: New Edition. V.3. [=Сохань 2001]
- Svitlychna, N., Svitlychna, L. (Eds.) (1998). *Good-eyed. Memories of Ivan Svitlychny*. [In Ukrainian]. Kyiv: Chas. [=Світлична 1998]
- Sztompka, P. (1996). *Sociology of social change*. [In Russian]. Moscow: Aspekt Press. [=Штомпка 1996]
- Tarnashyn'ska, L. (2019). «Burning moral maximalism». [In Ukrainian]. *Mirror Weekly*, September 15. [=Тарнашинська 2019]
- Vedmid', L. (2004). Programmability of the Ukrainian Worker-Peasant Union: Historical Analysis. [In Ukrainian]. *Science journal of the National Pedagogical University named after M. Dragomanov. Series 6: Historical Sciences: Zbirknik. Until 170th birthday*, 1, 71–77. [=Ведмідь 2004]
- Verdery, K. (1996). *What Was Socialism, and What Comes Next?* Princeton: NJ: Princeton University Press.
- Vittenberg, Ye. (2020). *Social responsibility of the authorities*. [In Russian]. Moscow: RGGU. [=Виттенберг 2020]
- Voslenskyi, M. (2005). *Nomenclature*. [In Russian]. Moscow: Zakharov. [=Восленский 2005]
- Williams, D. (2021). *A leader as an agent of change in a fragmented world*. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://uculeadership.com.ua/knowledgebase/lider-yak-agent-zmin-u-rozdoble-nomu-sviti-din-vilyams-harvard-kennedy-school>. [=Вільямс 2021]
- Yurchak, A. (2014). *It was forever until it was over. The last Soviet generation*. [In Russian]. Moscow: NLO. [Emergency ration. Journal Library.] [=Юрчак 2014]
- Zakharov, B. (2003). *Draw the history of the dissident movement in Ukraine (1956 — 1987)*. [In Ukrainian]. Kharkiv: Folio. [=Захаров 2003]
- Zaslavsky, V. (1979). The problem of Legitimizing in Soviet Society. In: *Conflict and Control. Challenge to Legitimacy of Modern Governments* (pp. 159–203). London.
- Zhdanov, A. (1934). Soviet literature is the most ideological, the most advanced literature in the world. [In Russian]. *Pravda*, August 20. [=Жданов 1934]
- Zlobina, O. (2004). *Personality as a subject of social change*. [In Ukrainian]. Kyiv: IS NANU. [=Злобіна 2004]
- Zlobina, O. (2020). Subjectivity and agency in social change. [In Ukrainian]. *Sociology: theory, methods, marketing*, 2, 133–135. [=Злобіна 2020]

Received 11.07.2021

ОЛЕКСІЙ ПОЛТОРАКОВ, ІРИНА ЩИГОЛЬ

Українські радянські агенти змін: соціально-історичний контекст трансформації капіталів

У контексті суспільно-політичних та замкнених на них соціально-правових трансформацій принципово значущими колективними акторами, чия діяльність мала достатньо вагоме соціально-правове навантаження, були відповідні агенти змін.

Мета цієї розвідки: соціологічна реконструкція трансформації символічного капіталу українських дисидентів у межах соціально-правової площини в УРСР та в незалежній Україні.

Значущою особливістю саме українського виміру дисидентського руху, що розглядається у відповідному соціально-правовому полі в категоріях агентів змін, є те, що він починався з розгляду загальної проблематики легітимності радянської влади, передусім у фокусі пошуку легітимних засад і необхідних конституційно-процесуальних механізмів виходу України з СРСР та набуття незалежності. Іншим ключовим соціально-правовим виміром діяльності українських дисидентів стала правозахисна проблематика (Українська Гельсінська спілка та ін.).

Таким чином, у процесі свого становлення та розвитку (1960–1870-ті) дисидентський рух сам став чинником делегітимації радянської влади передусім у термінах порушення декларованих норм Конституції та принципів соціальних прав і політичних свобод. Своєю чергою, моральний авторитет та базований на цьому соціально-правовий капітал суттєво сприяли тому, що у процесах набуття сучасною Україною незалежності (кінець 1980-х — початок 1990-х років) колишні дисиденти стали тим суспільно-політичним ядром, яке виступило ініціатором і розробником принципово значущих політико-правових документів, таких як Декларація про державний суверенітет України та Акт проголошення незалежності України, а також базованих на них Конституції та законів України.

Ключові слова: дисиденти; агенти змін; символічний капітал

АЛЕКСЕЙ ПОЛТОРАКОВ, ИРИНА ЩИГОЛЬ

Украинские советские агенты изменений: социально-исторический контекст трансформации капиталов

В контексте общественно-политических и замыкающихся на них социально-правовых трансформаций принципиально значимыми коллективными акторами, чья деятельность имела достаточно ощутимый социально-правовой вес, были соответствующие агенты изменений.

В статье поставлена цель социологически реконструировать трансформацию символического капитала украинских диссидентов в социальный в рамках социально-правового контекста в УССР и в независимой Украине.

Знаковой особенностью украинского измерения диссидентского движения является то, что оно начиналось с рассмотрения общей проблематики легитимности советской власти, прежде всего в фокусе поиска легитимных предпосылок и необходимых конституционно-процесуальных механизмов выхода Украины из состава СССР и обретения независимости. Другим ключевым социально-правовым измерением деятельности украинских диссидентов была правозащитная проблематика (Украинская Хельсинская группа и др.).

Показано, что в процессе своего становления и развития (1960–1970-е) диссидентское движение само стало причиной делегитимации советской власти в терминах нарушения декларируемых норм Конституции и принципиальных социальных прав и политических свобод. Таким образом, моральный авторитет и основанный на нем социально-правовой капитал существенно повлияли на то, что в процессе обретения Украиной независимости (конец 1980-х — начало 1990-х) бывшие диссиденты стали общественно-политическим ядром, которое выступило инициатором и разработчиком принципиально важных политико-правовых документов, например, Декларации о государственном суверенитете Украины и Акта провозглашения независимости Украины, а также Конституции и законов Украины.

Ключевые слова: диссиденты; агенты изменений; символический капитал

OLEKSII POLTORAKOV, IRYNA SHCHYHOL

Ukrainian Soviet agents of change: the socio-historical context of capital transformation

In the context of socio-political transformations fundamentally significant collective actors, whose activities were, incl. quite significant social and legal burden, there were corresponding so-called agents of changes.

The article sets the goal of sociologically reconstructing the transformation of the symbolic capital of Ukrainian dissidents into social capital within the framework of the social and legal context in the USSR and in independent Ukraine.

A significant feature of the Ukrainian dimension of the dissident movement, which is considered in the corresponding socio-legal field in the categories of agents of changes, is, first of all, that it began with an examination of the general problems of the legitimacy of Soviet power, first of all in the focus of the search for legitimate prerequisites and necessary constitutional and procedural mechanisms for Ukraine's secession from the USSR and its independence. Another key socio-legal dimension of the activities of Ukrainian dissidents was human rights issues.

Thus, in the process of its formation and development, the dissident movement itself became the reason for the delegitimation of the Soviet regime, primarily in terms of its violation of the declared norms of the Constitution and fundamental social rights and political freedoms. In turn, moral authority and the social and legal capital based on it significantly influenced the fact that in the process of Ukraine's independence, former dissidents became the socio-political nucleus that initiated and developed fundamentally significant political and legal documents, such as the Declaration on State Sovereignty of Ukraine and the act of proclaiming the independence of Ukraine, as well as the Constitution and laws of Ukraine based on them.

Keywords: *dissidents; agents of change; symbolic capital*